

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ИНДИКАТОР ОТНОШЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье представлен социологический анализ электоральной культуры российского общества, являющейся одним из показателей состояния и развития в стране института выборов как основного механизма делегирования властных полномочий и формирования отношений политического представительства. Автор раскрывает содержание понятия «электоральная культура» и его методологический потенциал. В работе применяется социетальная трактовка электоральной культуры, включающая в ее структуру систему электоральных ориентаций граждан, модели электорального поведения, а также культурные «образцы» функционирования институциональных структур, обеспечивающих формирование представительных органов власти. Эффективность данного подхода обосновывается возможностями системного изучения специфики электоральных процессов в контексте ценностных ориентаций и установок граждан, национальных традиций, отражающих исторические формы взаимоотношений личности, государства и общества, позволяя исследователям выйти за пределы статистического изучения избирателей в период выборных кампаний. Состояние электоральной культуры современной России автором рассматривается с позиций сложившейся в стране практики выборов, электоральной истории и электоральных традиций российского общества, а также характера реализации отношений политического представительства и степени доверия представительным органам власти.

Ключевые слова: электоральная культура, электоральные ориентации, выборы, политическое представительство, легитимность, политические традиции, политическое участие, абсентеизм.

ELECTORAL CULTURE AS AN INDICATOR OF RELATIONS OF POLITICAL REPRESENTATION

Abstract. The article presents a sociological analysis of the electoral culture of Russian society, which is one of the indicators the election institutions in the country as the main mechanism for forming relations of political representation. The author reveals the content of the concept of “electoral culture” and its methodological potential. The work uses a societal interpretation of electoral culture, where the structure of electoral culture includes systems of electoral orientations, models of electoral behaviour, as well as cultural “samples” of institutional structures for the formation of representative bodies. The effectiveness of this

approach is justified by the capabilities of a systematic study of the specifics of electoral processes in the context of political orientations and attitudes of citizens, national traditions, and historical forms of relations between individuals, the state and society, allowing researchers to go beyond the statistical study of voters during election campaigns. The author considers the state of the electoral culture in contemporary Russia from the standpoint of the prevailing election practice, electoral history and electoral traditions of Russian society, as well as from the nature of the implementation of relations of political representation and the degree of trust in representative authorities.

Keywords: *electoral culture, electoral orientations, elections, political representation, legitimacy, political traditions, political participation, absenteeism.*

Несмотря на свою давнюю историю, проблемы, касающиеся состояния и реализации отношений политического представительства, и в наши дни не теряют своей остроты и продолжают оставаться неизбежными не только для анализа политических систем, находящихся на пути демократического развития, но и для уже сложившихся демократий. Вопросов на эту тему, как и вариантов ответов на них, начиная с концепций договорных отношений государства и общества, в истории политической мысли накопилось немало. Понятно, что в определенные временные периоды они имели свою специфику и приоритеты, получая должное отражение в научных концепциях. Однако на сегодняшний день в контексте политической практики большую значимость представляют отнюдь не размышления о сущности отношений политического представительства, не поиск теоретической формулы или перечня институциональных условий, гарантирующих формальные возможности делегирования властных полномочий народом своим представителям, как базового принципа демократии. Особую актуальность все больше приобретают вопросы о том, почему при наличии институциональных гарантий реализации народом своих политических прав на формирование органов государственной власти и участия в выстраивании отношений политического представительства, избиратели зачастую не стремятся ими воспользоваться и не проявляют должной включенности в процесс избрания своих представителей.

Волеизъявление граждан на конституционно обозначенных выборах в современных демократических системах является базовым механизмом делегирования отношений представительства и образует основной способ формирования легитимной правящей элиты. Вместе с тем, участие граждан в выборах своих представителей означает и выражение доверия общества как политическому курсу власти, так и самой политической системе. Не получается ли тогда, что отказ граждан от участия в процедуре голосования становится неким индикатором отсутствия потребности и необходимости у народа в формировании отношений представительства, что потенциально угрожает не только легитимности власти и избирательной системе, но и практике самой демократии?

Проблема «бегства» граждан от политики и возможных последствий низкого участия электората в голосовании на развитие демократии не раз

становилась предметом научных дискуссий среди западных социологов и политологов со времен введения всеобщего избирательного права. Так, еще в 40-х годах XX века американский политолог Ф. Уилсон делал предположения, что неучастие в голосовании не является принципиальным для укрепления демократии, а скорее может рассматриваться как отражение некоей стабильности существующей системы. «Если в некоем обществе — полагал исследователь, — только пятьдесят процентов электората участвуют в выборах, то не вызывает сомнений, что политика в таком государстве действительно каким-то образом удовлетворяет пожеланиям основных масс его жителей» [1, с. 228]. Когда же уровень участия возрастает, то это скорее свидетельствует о снижении общественного консенсуса и нарастании политической борьбы.

Сторонники противоположных взглядов были уверены, что на самом деле судьба демократии определяется преимущественно высоким уровнем политического участия граждан. В частности, американец В.О. Кей-мл. подчеркивал, что низкий уровень голосования почти всегда приводит к тому, что социально и экономически неимущие группы оказываются недостаточно представленными во властных структурах [2, pp. 642–643]. А это неизбежно влечет за собой оторванность элит от наименее представленных во власти слоев общества и, как следствие, потерю общественного консенсуса. К подобной позиции склонялся и один из ведущих представителей американской политической социологии С.М. Липсет, полагая, что высокий уровень участия обычно обладает большим потенциалом для поддержания эффективной оппозиции и соответственно укрепления демократии, чем во времена, когда лишь немногие люди участвуют в политическом процессе.

В решении данной дилеммы довольно точным является высказывание самого же Липсета, впоследствии подтвержденное историей и практикой, что в принципе «демократические общества могут жить с разными уровнями участия, хотя ясно, что последствия последних также будут варьироваться». По мнению ученого, в каждой конкретной политической системе объективно существуют самые разнообразные источники нежелания голосовать, и они несут в себе самые разные результаты для судьбы демократий. Поэтому сами по себе ни высокие, ни низкие уровни участия в голосовании для демократии не являются ни хорошими, ни плохими. «Интенсивность и природа такого участия — это отражение других факторов, которые определяют, будет ли действующая система развиваться или выживать» [1, с. 227]. Конечно, нельзя исключать, что при низком участии избирателей (особенно это касается тех государств, где отсутствует минимальный порог явки и выборы считаются состоявшимися, даже если на них придет незначительное меньшинство), всегда присутствует определенный риск негативных последствий для легитимности как самой представительной власти, так и избирательной системы, регулирующей отношения политического представительства.

Для наглядности и в тоже время выделения определенной «точки отсчета» уровня достаточной для современной демократии явки обратимся к данным электоральной статистики Великобритании, как политической системы, представляющей собой исторический «образец» зрелой демократии с устойчивыми традициями парламентаризма и партийного представительства. С 1922 года по 1997 год явка на парламентских выборах, базовых для данной формы правления, там стабильно составляла не ниже 71 процента, достигая самых высоких показателей в истории страны в 1950–1951 годах: 83,9 и 82,6 процента соответственно. Причем, именно эти показатели как раз и были связаны с негативными последствиями Второй мировой войны для британской экономики, потерей общественного консенсуса, неудачами финансовой политики правительства, повлиявшей на серьезную девальвацию фунта стерлингов. Однако с начала нынешнего столетия явка на парламентских выборах в Великобритании уже находилась в границах от 59,4 процента (в 2001 г. — самый низкий показатель при стабильном правлении лейбористов) до 68,8 процента (2017 г. — досрочные выборы, инициированные премьер-министром Т. Мэй с целью укрепить влияние консерваторов перед переговорами по Brexit). На выборах в декабре 2019 года явка избирателей составила 67,2 процента [3, р. 7].

Для сравнения: в 28 странах Европейского Союза на последних для каждой из них к настоящему моменту парламентских выборах (данные до Brexit) средняя явка избирателей составила 66,5 процента. Самая высокая явка наблюдалась на Мальте (92,06%, где «взрыв» явки также связан с досрочными выборами и оффшорным скандалом), а самая низкая в Румынии (37,8%); в Швеции желание отдать голос за своих представителей осуществили 85,8 процента избирателей, в Германии — 76,2 процента, Испании — 71,8 процента, Венгрии — 69,7 процента, Греции — 63,9 процента, Латвии — 54,5 процента, Польше — 50,9 процента [3, р. 7]; обращает на себя внимание низкий уровень явки избирателей, пришедших на избирательные участки на парламентских выборах во Франции (42,6%), что отчасти определяется формой правления в стране и ролью президента, поскольку вышеупомянутые страны, исключая Румынию, являются системами с парламентским устройством.

В данном электоральном контексте становится вполне очевидно, что показатель явки 47,88 процента на парламентских выборах в России в сентябре 2016 года относится к числу низких по сравнению с европейскими парламентскими странами. К тому же нельзя не учитывать, что до этого самая низкая явка (54,81%) на выборах в Госдуму была зафиксирована в 1993 году. В 2003 году она составила 55,75 процента, в 2011 году — 60,21 процента, в 2007 году — 63,78 процента. Кстати, парламентские выборы 2007 года были особыми выборами для политической конкуренции и возможности реализации отношений представительства, поскольку впервые на них барьер прохождения партий в нижнюю палату парламента был повышен до

7 процентов, отменена мажоритарная система, убран нижний порог явки и возможность голосовать «против всех».

В практике российских выборов особое внимание на себя обращают тенденции крайне низкой явки избирателей на выборах в региональные законодательные собрания и муниципальные органы власти. В частности, несмотря на довольно мощные усилия властей по привлечению электората на избирательные участки на выборах в Московскую областную Думу в сентябре 2019 года явка составила всего 21,7 процента, а на муниципальных выборах 2017 года — только 14,82 процента.

Явка избирателей на муниципальных выборах в Лондоне в 2018 году также считалась крайне низкой, но тем не менее достигала 38,9 процента. И хотя практически во всех странах участие избирателей на местных выборах статистически ниже, чем на национальных, но подобные уровни, опускающие явку избирателей даже ниже двадцати процентов, действительно могут вызывать обеспокоенность эффективностью и легитимностью системы регионального и местного представительства, что по сути и является основой вызревания демократии и развития гражданского общества.

* * *

Отношения политического представительства в современных политических системах весьма многоаспектны, а механизмы их формирования и реальный потенциал определяются сочетанием различных факторов не только объективного, но и субъективного характера. Но одни лишь количественные показатели измерения участия или отказа от участия граждан на выборах не являются однозначным и объективным индикатором качественного состояния характера представительства, не раскрывают степень его прозрачности, конкурентности и легитимности. В частности, большую роль в понимании и интерпретации электоральных процессов, как центрального звена механизма легитимации отношений представительства, играет сформировавшаяся и существующая в каждой конкретной стране электоральная культура. Так как в любой системе именно культурный компонент является той матрицей, которая придает уникальность и своеобразие институциональным формам и определяет характер и направленность их развития.

Несмотря на то, что в научном сообществе нет единой точки зрения по поводу целесообразности применения понятия «электоральная культура» в исследовательских целях (в работах западных ученых приоритетом пользуется непосредственно термины «электоральное поведение» и «политическая культура»), обращение именно к изучению электоральной культуры и использование этого понятия имеет свои существенные основания. Особым образом тема электоральной культуры высвечивается применительно к анализу социально-политических систем, стоящих на пути демократического развития, и проблемам формирования в них свободных и конкурентных выборов как института политического представительства, соответствующих

зрелой демократии. При этом само родовое понятие «культура» как раз и не ограничивает нас статистическим изучением поведения избирателей в период выборных кампаний, а ориентирует на системное понимание специфики и характера электоральных процессов в контексте ценностных ориентаций и установок граждан, национальных традиций, отражающих исторические формы взаимоотношений личности, государства и общества.

Одно из первых рабочих определений понятию «электоральная культура» было сформулировано отечественным исследователем И.Н. Гомеровым, которую он рассматривал как «специфический элемент политической культуры, как систему знаний, оценок и норм политических выборов» [4, с. 34]. Принципиально важным и верным, на наш взгляд, в подобной интерпретации стало выделение электоральной культуры как составной части культуры политической, что, с одной стороны, придает ей соответствующий методологический потенциал и статус, но с другой стороны, переносит все сложности, связанные непосредственно с научной судьбой самого понятия «политическая культура», с трактовкой которой на сегодняшний день связано немало научных дискуссий, касающихся как ее категориальных аспектов, так и понимания ее места и роли в механизме функционирования социально-политических систем. Верно отмечал в свое время стоявший у истоков разработки данной проблематики американский политолог Л. Пай: «сам термин (политическая культура — *Н.К.*) способен порождать быстрое интуитивное понимание, так что людям кажется, что они без дальнейшего уточнения могут проникнуть в смысл и пользоваться им» [5, с. 112]. В частности, результатами свободных интерпретаций и подобных «интуитивных пониманий» становились принципиально неверные утверждения применительно к некоторым обществам об отсутствии в них политической культуры. Поэтому во избежание понятийной вариативности при использовании концепта «электоральная культура» требуется его уточнение, а также конкретизация его значения по отношению к политической культуре, поскольку на самом деле эти понятия довольно связаны.

В настоящее время к исследованию политической культуры сформировались и применяются три основных концептуальных подхода, форматы которых объективным образом предопределяют содержание и понимание структуры электоральной культуры и ее методологического потенциала. Первым из них, в том числе по времени появления, стал ориентационный подход, где политическая культура фактически ограничивается сферой сознания (Г. Алмонд, С. Верба, Л. Пай и др.). Политическая культура здесь представляется как специфическое распределение «моделей ориентаций по отношению к политическим объектам у тех, кто принадлежит к населению данной страны» [6, с. 30]. В качестве объектов политических ориентаций выступает непосредственно сама политическая система, ее конкретные структуры и роли (так называемые объекты на «входе» и «выходе» политической системы), а также сами индивиды как участники политического

процесса. Отсюда основными переменными, характеризующими политическую культуру, становятся: степень интереса граждан к политической жизни, отношение к существующей политической системе, политическим структурам и процессам, отношение к закону и представления о «правилах политической игры», включая готовность к собственным политическим действиям и участию.

Исходя из подобных обоснований, электоральная культура может также трактоваться как *совокупность ориентаций граждан (представлений, убеждений, чувств, оценок) по отношению к институту выборов в органы власти в целом, существующей системе представительства интересов, избирательному процессу как структурному элементу процесса политического, организации процедуры голосования, и вместе с тем по отношению к собственному участию в голосовании, включая в себя компетентность (ориентации относительно политической активности) и действенность (представления о важности электоральной активности)*. При этом электоральные ориентации являются здесь не столько ситуативными установками, сколько относительно устойчивым комплексом культурных элементов, содержащих и отражающих тип и характер сложившейся в стране политической культуры. Отсюда «образцы» электоральной культуры неизбежно проецируют на себе характерный для конкретного общества интерес граждан к политической жизни, уровень доверия политической системе и представительным институтам власти, степень готовности к политическому участию, выражению и отстаиванию своих интересов.

* * *

Рассматривая политическую культуру как «проявление в агрегированной форме психологических и субъективных измерений политики» (Л. Пай), представители ориентационного подхода оставляли вне ее внутреннего содержания непосредственно само политическое и, в частности, электоральное, поведение. Понимание культуры в данном формате представляется в качестве фактора политического действия, в то время как корреляция между политическими ориентациями и формами политического поведения не всегда является линейно зависимой, и не все модели поведения индивидов и групп можно вывести из моделей сознания. Так, например, не всегда демонстративное выражение граждан своей готовности пойти на выборы заканчивается фактическим голосованием.

Подобные противоречия побудили исследователей к расширению содержания политической культуры и включение в него наряду с субъективно-психическими элементами и принятые в конкретном обществе «образцы» (patterns) политического поведения. Польский исследователь в области политической социологии Е. Вятр особо подчеркивал, что «политическая культура — это совокупность позиций, ценностей и образцов поведения», которые затрагивают «взаимоотношения власти и граждан» [7, с. 259–260].

Соответственно, поведенческая трактовка политической культуры дает нам основания расширить и содержание электоральной культуры, включая в нее «образцы» (или типичные модели) электорального поведения избирателей, а также характер участия граждан в избирательных кампаниях партий и кандидатов в органы власти.

Между тем в контексте разработки теорий политического развития и изучения проблем демократизации политических систем (включая вопросы формирования демократических институтов представительства в переходных системах) ученые стали приходить к выводу, что для понимания фактической роли политической культуры в механизме функционирования и в изменении политических систем ограничение категории «политическая культура» политическими ориентациями и поведенческими «паттернами» не является достаточным. По словам отечественного исследователя Э.Я. Баталова, «модели функционирования политической системы и составляющих ее институтов не могут быть выведены из моделей поведения индивидов и групп, действующих в рамках системы» так же, как и «модели политического поведения группы нельзя вывести из суммы моделей поведения составляющих ее индивидов». И если на индивидуальном или групповом уровнях политическая культура еще может рассматриваться как единство политического сознания и поведения, то на социальном уровне ее содержание обязательно должно быть дополнено «культурой функционирования политической системы и образующих ее институциональных структур» [8, с. 10].

На институциональном уровне политическую культуру характеризуют типичные для конкретной политической системы методы принятия и осуществления политических решений в государстве, особенности функционирования конкретных политических институтов, модели взаимодействия гражданского общества и государства, тип электорального процесса (формы и методы организации выборов) и др. И хотя данный *интегральный* подход к политической культуре не получил широкого распространения в политической науке и политической социологии и пока не используется применительно к электоральной культуре, на наш взгляд, с позиций системного исследования электоральных процессов и состояния электорального «климата» в стране, значимость включения институционального компонента в структуру как политической культуры, так и непосредственно электоральной культуры очевидна. Интегральная трактовка электоральной культуры позволяет посмотреть на избирательный процесс через призму отношений «власть–влияние» между государством и обществом, что принципиально важно, например, для понимания характера электорального поведения граждан и анализа причин абсентеизма.

Было бы неверным рассматривать состояние и характер электоральной культуры, в том числе и в нашей стране, вне существующих в социально-политической системе культурных «образцов» артикуляции и агрегации интересов, моделей принятия и реализации государственных решений,

сложившихся механизмов «обратной связи», раскрывающих сущность и характер отношений политического представительства. Участие граждан на выборах — универсальная форма симптоматики обратной связи со стороны общества, обеспечивающей либо поддержку, либо недоверие действующим политическим силам, но конкретное проявление этой обратной связи во многом зависит от культурных оснований всего избирательного процесса. Именно культурный контекст, включающий в себя все три уровня (*сознания, поведения и институтов*) превращает институт выборов в действенный механизм обратной связи, обеспечивающей донесение «реакции социума» до субъекта управления — органов государственной власти [9, с. 111].

Таким образом, электоральную культуру мы не только рассматриваем как систему сложившихся относительно устойчивых электоральных ориентаций граждан (представлений, убеждений, чувств, оценок), но и включаем в ее содержание устоявшиеся в обществе модели электорального поведения, а также сложившиеся культурные «образцы» функционирования институциональных структур, обеспечивающих формирование представительных органов власти.

Методологическая значимость использования понятия «электоральной культуры» в таком контексте для анализа механизмов формирования отношения политического представительства и различных аспектов избирательного процесса связана с главным образом с тем, что она не является ситуативным фактором. Состояние и тенденции развития электоральной культуры любого общества складываются не в процессе одной избирательной кампании, а определяются электоральной историей социально-политической системы, сложившейся в стране практикой выборов, электоральными традициями, соотношением политических ценностей и установок как граждан, так и представителей власти, характером отношений между властью и обществом, степенью доверия представительным органам власти. Но в тоже время и каждые проходящие в стране выборы как часть реального политического процесса так ли иначе могут определенным образом отразиться на дальнейшем формировании (усилении или ослаблении) в электоральной культуре конкретных черт и «образцов», определяя направленность траектории ее развития в целом.

* * *

В этом отношении на характер становления электоральной культуры российского общества немалое влияние оказало то, что с началом своего развития в 90-е годы прошлого века конкурентные выборы как институт представительства были, по словам В.В. Федорова, «глубоко дискредитированы» [10, с. 178]. Сложившееся в те годы глубокое размежевание между представителями народа и самим народом стало причиной отчуждения подавляющей части населения от политических институтов, создаваемых, по мнению рядовых граждан, элитой и для решения собственных проблем, что также и препятствовало формированию устойчивых основ демократическо-

го развития российской политической системы. Особенно показательным в то время стало распространение в обществе абсентеистских тенденций, причем выступающих не только как действие, но и в качестве культурной ориентации к представительной власти. Начиная с середины 1990-х годов (до законодательной отмены явочного порога), именно по причине низкой активности избирателей стало постепенно возрастать число регионов, имевших практику несостоявшихся выборов (глав администраций, депутатов). При этом среди причин неучастия граждан в голосовании на первый план выходили мотивы «общеполитического характера»: недоверие властным структурам, неверие в возможность с помощью выборов решить свои проблемы или что-то изменить, что в конечном счете становилось также и причиной делегитимизации формирующейся в стране системы отношений политического представительства.

Безусловно, период становления политической системы современной России в формате «Конституции-1993», как и политико-культурные традиции российского общества, связанные с персонификацией власти и ориентацией на центральную фигуру властной иерархии, определил и укрепил в электоральной культуре российских граждан приоритет президентских выборов над парламентскими, а федеральных — над региональными и муниципальными, проявляясь в соответствующих показателях явки. И хотя, как мы указывали ранее, неучастие в выборах не является исключением и для западных демократий, в российской культурной парадигме формирование абсентеизма в значительной степени основывалось на неверии граждан в законность, легитимность, результативность, а также честность института выборов. В частности, по результатам социологических исследований на начало 2007 года для приблизительно 40 процентов россиян выборы 1990-х — начала 2000-х годов оставили своеобразное «послевкусие» того, что все это время они были далеки от демократических норм и принципов. Причем, более 50 процентов россиян в то время не верили и в честность предстоящих на тот момент выборов в Государственную Думу и Президента Российской Федерации [11, с. 146–147].

Поэтому текущий запрос со стороны общества на процедуру честных выборов, становящихся популярным слоганом для избирательных кампаний, является вполне оправданной реакцией и объективным показателем зрелости электоральных ориентаций определенной части российских граждан по отношению к роли самого института выборов как механизма формирования представительной власти. И от того, насколько грамотно власти удастся реализовать ответ на этот запрос, в значительной мере будет зависеть их электоральное общение с народом. К тому же с позиций интегрального подхода к интерпретации электоральной культуры качественные изменения в электоральных установках и поведении граждан возможны только в контексте соответствующего изменения культурных образцов функционирования самой электоральной системы в формате открытости и политической

конкуренции. Поэтому обеспечение процедурной легитимности выборов для власти становится принципиальным фактором «вызревания» активного электората, как основы поддержки существующего режима.

Другим немаловажным аспектом формирования электоральных ориентаций, определяющих неучастие российских граждан в выборах, стало убеждение большинства в существовании глубокого противоречия между интересами народа и реальными целями выбранных им представителей, или так называемое устойчивое признание в обществе отчуждения «делегатов от электората». Этот факт наглядно подтверждает результаты социологических опросов, проводимых в течение нескольких лет аналитиками «Левада-центра»¹. По представленным исследователями данным, около 85 процентов россиян на протяжении последних двух десятилетий стабильно соглашались с тем, что выбранные представители, придя к власти, быстро теряют внимание к проблемам народа и живут своими интересами (табл.1).

Таблица 1.

Какое из следующих высказываний о руководстве страны ближе всего к вашей точке зрения?

(респондентам предлагалась карточка, и они могли выбрать один ответ)

	июль 1998	дек. 2007	май 2014	май 2015	нояб. 2016	нояб. 2017	июль 2018	январь. 2020
Люди, которых мы выбираем в органы власти, быстро забывают о наших проблемах, теряют внимание к интересам народа	45	60	54	55	58	62	58	59
Руководство — это особая группа людей, элита, которая живет только своими интересами; до нас им нет дела	29	26	25	26	27	24	28	25
Наши органы власти — народные, у них те же интересы, что и у простых людей	15	8	11	9	10	7	9	14
Затруднились ответить	11	6	11	10	6	7	6	3

Вместе с тем другое общероссийское социологическое исследование, проведенное в конце 2019 года, также показало, что 72 процента граждан считают, что по своей направленности интересы власти и общества не совпадают. При этом 53 процента от числа тех, кто указывал на наличие расхождения интересов между обществом и властью полагали, что власть, в принципе, мало волнует, как живет народ; 19 процентов были уверены в отсутствии обратной связи между теми, кто принимает политические ре-

¹ См.: Государственный патернализм //Пресс-выпуск. Левада-центр [Официальный сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2020/02/25/gosudarstvennyj-paternalizm/> (Дата обращения 25.02.2020 г.)

шения и населением; а 16 процентов подчеркивали, что у власти и общества всегда разные цели и интересы². Подобная позиция российских граждан безусловно показывает, что в электоральной культуре российских граждан наблюдается некое размывание идей и принципов общественного договора, лежащих в основе отношений политического представительства, а это, в конечном счете, обуславливает как реакцию и рост сознательного отчуждения общества от власти, так и отказ от участия народа в ее формировании.

Но если говорить о возможных мотивах, побуждающих людей к участию в избрании своих представителей, то за последние годы в культурном отношении в нашей стране наблюдается тенденция снижения восприятия гражданами голосования на выборах в органы власти как нормы *гражданского долга* (в 2007 г. свое участие таким образом мотивировали 6% респондентов, а в 2016 г. — 36%). Также в 2007 году 20 процентов граждан полагали, что через выборы смогут выразить свою политическую позицию (даже если это не поможет никакой партии), демонстрируя тем самым свои определенные установки, в 2016 году их число сократилось до 15 процентов. При этом от 3 до 18 процентов (в эти же годы) выросло затрудняющихся ответить на вопрос, что могло бы их побудить прийти на избирательный участок³.

Таким образом, не только результаты социологических исследований, но и *практика самих выборов показывают, что культурные образцы электорального поведения в российском обществе постепенно рационализируются, голосование на выборах перестает быть ритуальным действием, совершаемым «по привычке», а значит, в отсутствии явной видимой выгоды для народа значимость выборов как института политического представительства и инструмента общественного контроля в массовом сознании постепенно снижается*. Подобная позиция особенно характерна для группы россиян 30–35 лет, которые как раз и проявляют отказ от участия в голосовании на выборах именно по причине ритуальности этой «сделки» между народом и властью, ничего не меняющей в реальной жизни и не являющейся действенным каналом выражения позиции электората⁴.

Между тем на фоне рационализации поведения избирателей состояние электоральной культуры современной России во многом продолжает определяться отсутствием в политической традиции нашей страны политических партий в статусе таких субъектов избирательного процесса, которые бы в то же время выступали в качестве действенных институтов опосредования между гражданами и государством, формируя тем самым устойчивые ка-

² См.: Мухаметшина Е. // Почти три четверти россиян говорят о несовпадении интересов власти и общества Ведомости. 27 ноября 2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/11/27/817329-tri-chetverti-rossiyan> (Дата обращения 28.02. 2020).

³ См.: Электоральные установки // Пресс-выпуск. Левада-центр [Официальный сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2016/09/06/elektoralnye-ustanovki> (Дата обращения 28.02. 2020).

⁴ См.: Мухаметшина Е. Суммарный рейтинг партий опустился до 51% // Ведомости. 13 августа 2019г. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/08/13/808754-summarnii-reiting?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (Дата обращения 28.02. 2020).

налы функционирования отношений политического представительства в формате *социальная общность — политическая партия — органы власти*. Среди российских граждан институциональное доверие политическим партиям устойчиво сохраняется на уровне самых низких показателей среди индикаторов доверия другим политическим институтам. В частности, по данным на 2018 год отрицательная величина индекса доверия российским партиям составляла $-33,5^5$.

Отсюда, несмотря на наличествующую в России многопартийность, даже после либерализации партийной системы 2011–2012 годах представительство на этом уровне пока еще не становится для граждан принципиальным фактором электорального действия. Показательно в этом отношении и то, что в качестве одной из принципиальных причин голосования за «Единую Россию» выступает ее позиция партии власти, которая идет в одной связке с Президентом В.В. Путиным. А это фактически превращает партийное голосование непосредственно не во что иное, как канал дополнительной легитимации политического курса Президента. В подобном контексте «Единая Россия» для избирателей видится прежде всего выразительницей общегосударственных интересов, которые в принципе всегда занимали приоритетные позиции в российском политико-культурном пространстве. Соответственно, и участие в выборах для российских граждан больше похоже на механизм «взаимодействия избирателя не с партией или ее кандидатами, а с институциональной системой в целом». Да и функция самих выборов, по словам академика М.К. Горшкова, «сводится не столько к волеизъявлению избирателей относительно желаемого будущего, сколько к легитимации, сложившейся в конкретный момент коалиции интересов в рамках конкретной институциональной системы» [12, с. 183].

Еще раз подчеркнем, что принципиальными основаниями для понимания электоральной культуры современной России являются, во-первых, сложившаяся в российской политической системе политическая иерархия с характерным доминированием в ней главы государства над всеми другими политическими институтами, а во-вторых, то, что подобная иерархия органично коррелирует и поддерживается политико-культурными традициями страны. Это главным образом и обуславливает наличие в массовом сознании электората заметного преимущества статуса выборов главы государства над всеми другими выборными институтами, которые совершенно объективно оказываются в некой «слепой зоне», где они просто становятся малозначимыми для простых граждан. «На контрасте с полноправным президентом», полагают аналитики Института социологии РАН, «парламентское представительство, политические партии, местное самоуправление ...» восприни-

⁵ См.: Институциональное доверие // Пресс-выпуск. Левада-центр. 14.10.2018. [Официальный сайт]. URL: <http://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4/> (Дата обращения 26.02.2020).

маются гражданами как «вторичные или даже третичные по отношению к ключевому субъекту политического действия» [12, с. 203].

Действительно, во многом именно по этой причине выборы в органы местного самоуправления оказываются для российского электората как бы на периферии их политических горизонтов, хотя по логике именно эти структуры являются наиболее близкими для граждан среди других публичных органов власти и потенциально нацелены на представительство реальных и понятных для простых людей интересов. Фактическая не востребованность у граждан участия в голосовании на выборах местных органов власти, как одной из форм реализации непосредственного представительства и низовой основы построения демократии, по мнению А.А. Максимова, «связана с серьезными проблемами и препятствиями как юридического, так и социально-психологического порядка» [13, с. 217].

В этом смысле признание гражданами неэффективности местных органов представительной власти проистекает, с одной стороны, из ощущения отчуждения представителей муниципальной власти от населения, а с другой, — из объективных институциональных противоречий, существующих между обязанностью и истинным предназначением данных структур реагировать на интересы жителей и необходимостью подчиняться требованиям вышестоящей власти. Именно отсутствие открытых и эффективных каналов взаимодействия между муниципальным образованием и его властными представителями, а также минимизация непосредственного участия граждан в системе местного управления объективно определяют снижение уровня доверия местным органам власти и, как следствие, крайне низкую явку на выборах, проводимых в эти органы власти.

Здесь снова можно в качестве примера привести упоминаемые ранее муниципальные выборы в Москве (2017), которые запомнились не только крайне низкой явкой, но и тем, что оказались лидером по поданным в суд жалобам на различные рода нарушения в ходе проведения этой процедуры, что по факту еще больше определяет негативное отношение к данным структурам представительной власти. В то же время способами преодоления отчужденности граждан от органов местной представительной власти могли бы стать инициативы различных форм партнерства со стороны самих органов и местных отделений политических партий, как правило, системно вовлекающих локальные сообщества в принятие политических решений ситуативно и в канун выборов, и усиление каналов «электронной демократии», раскрывающих возможности для развития в обществе потенциала участнических ориентаций, что естественным образом получит свое отражение на процессах формирования электоральной культуры.

* * *

Электоральная культура общества не возникает в результате конкретной избирательной кампании, а является итогом длительного и многофакторно-

го процесса. Специфика электоральной культуры как части политической культуры является индикатором состояния в стране гражданского общества, а также характера и механизмов его взаимодействия с институтами политической системы⁶. При этом сама электоральная культура (как и политическая) становится не только отражением или проекцией данных взаимодействий, но и выступает в качестве важного фактора их развития. Как раз непосредственно поведенческий уровень электоральной культуры и проявляет себя через переменные, определяющие нормативные для конкретного общества форму и степень участия в электоральных процессах, способы выражения политического представительства и непосредственно сами модели электорального поведения.

Исследуя политические культуры и социальные изменения различных стран конца XX века, голландские исследователи Ф. Хьюнкс и Ф. Хикспурс на основании трех индикаторов — *субъективного интереса* индивидов к политике, *политического доверия* к государственным институтам и *оценки возможностей личного участия в политической жизни и воздействия на политику*, выделили две принципиальные группы культур [14, с. 68]. Это характерные прежде всего для демократических государств *активные* культуры, в которых при разных формах доверия преобладают устойчивые установки на участие в политических акциях различного рода и вера в эффективность подобных действий. И также *пассивные* культуры, в которых даже при высоком интересе к политике на нормативном уровне наличествует поведенческая апатия, где граждане не осознают возможности своего влияния на политику и не выражают особого желания принимать в ней участие. В данном контексте традиции политического участия в российском обществе относят нашу страну к типу пассивных политических культур, и в частности к форме, получившей у Хьюнкса и Хикспурса название «*культура наблюдателей*», для которой характерен довольно высокий интерес граждан к происходящим политическим процессам и даже демонстрация нормативных участнических установок, но при разном уровне доверия фактически сохраняется низкое участие в политических акциях.

Но несмотря на «стороннюю наблюдательность», для большинства российских граждан выборы, по сравнению с другими формами политической активности, на нормативном уровне остаются основным каналом взаимодействия с властью и основной конвенциональной формой политического участия. По данным различных исследований около 70 процентов граждан стабильно выражают свою готовность в участии в голосовании за партии или кандидатов, предлагающих близкий для народа план преобразований, и это для демократических обществ является совершенно нормальным

⁶ Под гражданским обществом здесь понимается совокупность социальных отношений и институтов, функционирующих относительно независимо от политической власти и способных через систему институтов опосредования оказывать воздействие на принятие тех или иных политических решений, а также на разработку и реализацию стратегического курса государственной политики.

показателем. Поэтому проблема фактической электоральной пассивности в настоящее время скорее выглядит, как нежелание граждан участвовать в конкретных выборах или голосовать за конкретных кандидатов, поскольку результат таких выборов либо предсказуем для народа, либо не представляется значимым. Причем такая позиция может проявляться в силу разных причин: от недоверия политическим партиям, до неверия в открытость и конкурентность выборных институтов власти, а также, когда выборы просто перестают быть для народа истинным каналом реализации отношений политического представительства. Ведь так или иначе «имидж» выборов как инструмента представительства интересов является одной из немаловажных характеристик электоральной культуры любого общества.

Список литературы

1. Липсет С.М. Политический человек: социальные основания политики / пер. с англ. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. М.: Мысль, 2016. 612 с.
2. Key, Jr. V.O. Politics, Parties, and Pressure Groups. 4th ed. New York: Crowell, 1958. 783 pp.
3. Uberoy E. Turnout at elections // Commons Library Briefing. No. CBP 8060, 5 July 2019. 25 pp. [Электронный ресурс] URL: <https://www.parliament.uk/commons-library> | intranet.parliament.uk/commons-library/.
4. Фадеева Л. «Электоральная культура»: теоретический конструкт или очередная концептуальная натяжка // Российское электоральное обозрение. 2010. № 1. С. 32–37.
5. Формизано Р.П. Понятие политической культуры // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 111–146.
6. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014. 500 с.
7. Вятр Е. Социология политических отношений. М.: Прогресс, 1979. 456 с.
8. Баталов Э.Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 7–22.
9. Шабров О.Ф. Сущность и механизмы политического представительства // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. Т. 2. № 6. С. 110–111.
10. Федоров В.В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения. М.: Праксис, 2010. 384 с.
11. Петухов В.В. Демократия участия и политическая трансформация России. М.: Academia, 2007. 176 с.
12. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: «Весь мир», 2017. 424 с.
13. Максимов А.А. Местное самоуправление или местное самоуправство: к вопросу о расстановке приоритетов для муниципального сообщества // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2 (3). С. 101–105.
14. Карпова Н.В. Социология политической культуры. М.: ООО НИЦ «Инженер», 2012. 168 с.